

А.С. Цыганков, Т. Оболевич

Социальная философия Сергея Булгакова в современных немецкоязычных исследованиях (на примере работ К. Брекнер)

Цыганков Александр Сергеевич – кандидат философских наук. Институт святого Фомы. Российская Федерация, 105005, г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 46, стр. 4; e-mail: m1dian@yandex.ru

Оболевич Тереза – Dr. hab., профессор, заведующая кафедрой философии религии. Папский университет Иоанна Павла II. 31-002, Польша, г. Краков, ул. Канонича, д. 9; e-mail: tereza.obolevich@urjp2.edu.pl

В статье представлен анализ современной немецкоязычной рецепции социально-философской мысли Сергея Булгакова на примере работ гамбургской исследовательницы Катарины Брекнер. Выявлены основные «мыслительные призмы», которые были использованы К. Брекнер в ее работе по интерпретации концепции «христианского социализма» Булгакова. Предложенная ею модель трактовки социально-философского наследия русского мыслителя охарактеризована как «мифологическая онтология», основным принципом которой выступает нивелирование символической составляющей социально-философских проектов. Данная модель будет, согласно немецкой исследовательнице, лежать в основании «проекционных социалистических мифов», к которым относится также и «христианский социализм» Сергея Булгакова. Именно исходя из подобной позиции, отрицающей символическую и предусматривающей придание идеальному статусу объективной и самостоятельной действительности, которой следует достичь, русским мыслителем понимаются такие системообразующие понятия его социальной философии, как «соборный человек» и «соборность».

Ключевые слова: немецкоязычная рецепция русской философии, социальная философия С. Булгакова, современные исследования русской философии, С. Булгаков, К. Брекнер

В современной отечественной философии ведется значительная и интенсивная работа по осмыслению ее собственного прошлого. С одной стороны, это очевидным образом обусловлено тем, что только в постсоветское время открылся свободный доступ к наследию русской философии, находившемуся до того времени под идеологическим табу. С другой стороны, подобный живой интерес к генезису отечественной мысли может также пониматься как одна из попыток самосознания и самопонимания, на основании которой возможно построение/обретение собственной идентичности. Иными словами, сегодня актуальность русской философии определена двумя основными предпосылками: снятием идеологических препон для ее изучения и, следовательно, необходимостью устранения существующего пробела в философском знании (теоретическая предпосылка), а также потребностью в осуществлении саморефлексии посредством изучения и осмысления своего собственного прошлого (практическая предпосылка).

При этом как теоретическая, так и практическая предпосылки, фундирующие современные исследования в области истории русской философии, не могут быть реализованы исключительно на основании обращения к анализу существующих философских источников, а также изучения уже имеющихся отечественных рецеп-

ций русской мысли. Очевидна необходимость рассмотрения актуальных зарубежных исследований отечественной философии, которые могут предоставить столь ценный взгляд со стороны, с более отдаленной точки. При помощи этого можно попытаться нивелировать аберрацию зрения, возникающую по причине слишком близкого расположения предмета наблюдения – философских и богословских воззрений русских мыслителей.

В этом свете оправданным и актуальным представляется обращение к рецепции современной немецкоязычной мысли, ориентированной на проблематику истории русской философии. Одной из граней данной проблематики для немецкоязычного философского сообщества выступает, наряду с рассмотрением наследия Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, анализ философии и теологии Сергея Булгакова. Первое обращение к рецепции булгаковского наследия в немецкоязычном философском дискурсе, которое осуществляли Андреас Креслинг [см. Bulgakov, 1927] и Фриц Либ [см. Канияр, 2002, с. 689–702], приходится на 20–30-е гг. XX в. В послевоенное время творчество Булгакова практически полностью пребывает вне сферы интереса немецких исследователей. К указанному периоду можно отнести лишь перевод работы «Социализм в христианстве?», выполненный в 1977 г. Хансом-Юргеном Руппертом [Bulgakov, 1977]. Однако с конца 1990-х гг. наследие русского мыслителя начинает активно изучаться в философской немецкоязычной среде. К исследователям, которые занимаются рецепцией философии и теологии Булгакова, относятся такие современные философы и теологи, как Барбара Халленслебен, Томас Бремер, Регула Цвален, Эльке Кирстен, Ксения Вернер и Катарина Брекнер (она скончалась после продолжительной болезни в ноябре 2015 г.). 2014 год был ознаменован началом выпуска немецкоязычного собрания сочинений Булгакова на базе Фрибургского университета в Швейцарии, под руководством Регулы Цвален и Барбары Халленслебен [подробнее см. Цыганков, Оболевич, 2015].

Одним из переводчиков первого тома, в который вошли работы Булгакова «Философия хозяйства» и «Природа в философии Вл. Соловьева», выступила гамбургская исследовательница Катарина Брекнер – известный специалист по русской философии, талантливая исследовательница, наконец, просто яркая, открытая, творческая личность. Именно ее интерпретация творческого наследия Булгакова станет предметом дальнейшего анализа. Актуальность подобного анализа обусловлена не только отсутствием на данный момент какой-либо русскоязычной рецепции работ Катарини Брекнер, но также тем, что исследовательница из Гамбурга принадлежала к тем немногим современным немецким специалистам, которые уделяли внимание именно социальной мысли Булгакова, в частности его концепции «христианского социализма». Кроме того, К. Брекнер являлась автором работ, в которых мысль С. Булгакова сопоставлялась с идеями В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка и других русских философов.

Для успешного знакомства с рецепцией социальных идей Сергея Булгакова, проделанной К. Брекнер, необходимо дать анализ предложенной ею интерпретации социальной философии Булгакова, и в частности его концепции «христианского социализма», а также эксплицировать «мыслительные призмы», «пробрасываемые смыслы», при помощи обращения к которым реализуется понимание и истолкование творчества русского мыслителя.

Главной работой Катарини Брекнер, в которой рассматривается проблематика социальной мысли Булгакова и его концепции «христианского социализма», является диссертация «Социализм как константа новой русской истории идей». В ней автор анализирует социалистические идеи, присутствующие в трудах А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Н.К. Михайловского, С.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова и Н.А. Бердяева. Основную задачу своей работы немецкая исследовательница сформулировала следующим образом: «...показать, что соборный образ человека разделялся и проповедовался не только русскими “славянофилами”. <...> Он же был значим и

для христианских социалистов Трубецкого, Булгакова и Бердяева» [Breckner, 1997, S. 11]. Подобный соборный образ человека и его соборное понимание определяли собой также и специфику русского социализма, как в его секулярном, так и религиозном проявлении. По мнению Брекнер, в работах Булгакова понятия «соборность» и «христианский социализм» являются синонимами [Breckner, 2000, p. 467]. В свете данной артикулированной гипотезы, «проброшенного смысла» осуществляется дальнейший анализ и толкование философского наследия русских мыслителей, в том числе и Булгакова. Однако, что же понимается Катарфиной Брекнер под феноменом «соборного образа человека», выступающего, согласно ее утверждению, системообразующим элементом русской социальной мысли рассматриваемого периода?

Содержание образа соборного человека есть антитеза содержания образа человека капитализма, оно есть зеркальное отражение любого плюрализма интересов и их баланса в репрезентативной системе [Breckner, 1997, S. 11]. Иными словами, соборный человек – это такой человек, который не принимает никакие представительные институты и который разделяет общий со всеми прочими соборными людьми интерес; само его онтологическое основание находится не в нем самом, но в общности людей, его окружающих. Подобный интерес выражается в стремлении к коммунизму, к активному политическому равенству: «...мысль об анонимном гражданском обществе, которое управляется представительными учреждениями, отрицалась в самом начале» [Ibid., S. 227]. Данное отрицание связано с тем, что сама идея представительных институтов и учреждений основывается на проекте автономного субъекта и автономной морали, который нашел свое наибольшее воплощение в философии И. Канта. «Русское православие в целом далеко от той “автономии нравов”, которую философски развивал протестант Кант» [Breckner, 2011, S. 46]. Образ соборного человека, в свою очередь, понимается немецкой исследовательницей в качестве «мифологической онтологии» (это понятие введено К. Хюбнером), на основании которой осуществляется конструирование «проекционных социалистических мифов». Говоря иначе, данное понимание человека и его отношения с обществом фундировало собой конституирование социалистических идей как секулярными, так и религиозными русскими мыслителями. Но в чем заключается мифологичность подобных идей?

Сущность мифологичности в данном случае можно свести к тому, что символическое начинает пониматься как онтологическое и тем самым теряет свою символичность; идея, которая задает горизонт понимания социальной действительности, становится «объективной» реальностью в сознании людей, эту идею разделяющих. «Из отрицания символического смысла следует простая вещь, что, например, можно ставить вопрос о социальной республике или о реальной демократии, тем самым имея в виду, что понятие демократии – это не особого рода понятие, а просто нечто, что может быть осуществлено или не осуществлено из-за чьей-то злой воли» [Мамардашвили, 1991, с. 43]. Довольно точно подобное умонастроение своих современников выразил С.Л. Франк в работе «Крушение кумиров», говоря о том, что «под “идеями”, “принципами” или, еще иначе “нравственными идеалами” разумелись одинаково и вера в определенные, подлежащие постепенному осуществлению будущие состояния человеческой жизни, и вера в определенные порядки и правила, имеющие абсолютное значение и требующие постоянного соблюдения» [Франк, 2000, с. 193]. В своей переведенной на русский язык работе «Об употреблении слов правда (правда-справедливость) и истина (теоретическая правда) в русской интеллектуальной истории XIX столетия на примере Н.К. Михайловского и П.И. Пестеля» Катарфина Брекнер выражает подобное нивелирование символичности понятий и их онтологизацию при помощи обращения к концептам «правда» и «истина» [Брекнер, 2011, с. 71–91]. «Правда» в данном случае понимается как «правда-справедливость», а «истина» исключительно как «теоретическая истина»; последняя теряет всякое значение, если не стоит на службе практического интереса социальной справедливости,

«сама по себе философия и истина мало кого интересуют» [Бердяев, 1909]. «Правда» же мыслится исключительно в практическом измерении, она есть то «объективное» должное, которое необходимо для реализации.

Очертив в общих границах те «мыслительные призмы», «проброшенные смыслы», которые определяют позицию немецкой исследовательницы, следует обратиться к непосредственному описанию ее анализа социальной мысли Сергея Булгакова.

Свое рассмотрение социальных идей Булгакова Катарина Брекнер начинает с анализа антропологической концепции мыслителя. Так, согласно Булгакову, существует две «диаметрально противоположные возможности антропологических воззрений и связанных с ними интерпретаций мировой истории, а также следующих отсюда эсхатологий» [Breckner, 1997, S. 134]. Основание любой общественной формации, как полагает Булгаков, составляет лежащая в ее основе религия, которая сводится к двум вариантам. Первый вариант – теистическая религия, наиболее полно представленная в христианстве; второй – пантеистическая религия, суммарно обозначаемая русским мыслителем как философия «человекобога», основной пафос которой сосредоточен в представлении о том, что «вселенная обращается около человека как своего центра, а не человек следует за природой» [Булгаков, 2010]. Таким образом, «в “религиозном” смысле значимым для него было *tertium non datur*. История представляла самооткрытие человека в Христе или против Христа» [Breckner, 1997, S. 135]. К. Брекнер указывает на то, что вся социальная философия Булгакова выстраивалась на аксиоме человека как «верующего существа». Христианство, согласно русскому мыслителю, должно иметь социальный, т. е. общественный характер, поскольку именно причастие (*communion*) инициирует общение (*communication*) [Breckner, 2006, p. 279]. Булгаков – утверждает Брекнер – противился индивидуалистскому пониманию христианской жизни, что выражает, прежде всего, институт Церкви, которая наряду с мистическим аспектом имеет профетический характер, а тем самым призывает к активной человеческой деятельности в духе «христианского гуманизма». На этом основывается развитие творческих способностей человека. В этом контексте также труд и экономическая деятельность имеет своей целью усовершенствование человека, воссоединение Творца и твари. Христианин не может также избегать участия в политической жизни (сам Булгаков, как известно, в 1905 г. основал «Союз христианской политики», который, однако, просуществовал очень недолгое время) [Breckner, 2000, p. 463–464]. Церковь должна занимать во внешнем мире деятельную позицию, а общественная правда сможет привести к воссоединению христиан различных конфессий. В работе «Что дает современному сознанию философия Владимира Соловьева?» можно прочесть, что «человек существо социальное, и высшее дело его жизни, окончательная цель его усилий лежит не в его личной судьбе, а в социальных судьбах всего человечества. <...> Как общая внутренняя потенция царствия Божия для своей реализации необходимо должна перейти в индивидуальный нравственный подвиг, так и этот последний для полноты своей неизбежно входит в социальное движение всего человечества, примыкает так или иначе в данный момент и при данных условиях к общему богочеловеческому процессу всемирной истории. <...> Те требования гарантий личной свободы, которые выставляются политической демократией и те стремления к осуществлению справедливости в экономических отношениях, которые объединяются в понятие социализма, объемлются и положительными заповедями христианской религии, и отрицать это можно или по неспособности к логическому мышлению, или по недобросовестности, *tertium non datur*» [Булгаков, 1903, с. 242, 247]. Тем не менее, согласно Булгакову, социальное христианство не является чем-то готовым, данным, в скорее задачей, требующей своей реализации.

Очевидно, что марксизм и предлагаемая им форма социализма будут иметь в своем основании, согласно Булгакову, пантеистическую религию «человекобога». Социализм Маркса понимается русским мыслителем как течение, в основании которого лежит вера в «беспредельную способность человеческой природы к совершенствованию»

нию, если только она поставлена в соответствующие условия» [Булгаков, 1991, с. 121]. Исходя из подобного понимания, Булгаков рассматривал социалистические партии Германии, Австрии и Италии в качестве «религиозных сект», «потому как разделяемое ими “политическое мировоззрение”, в конце концов, есть всего лишь секуляризированное и из-за этого еретическое следствие из религиозно-философских аксиом» [Breckner, 1997, S. 137]. На основании указанного выделения двух форм религии немецкая исследовательница также эксплицирует то генетическое родство капитализма и социализма Маркса, которое обозначается Сергеем Булгаковым. «По Булгакову, социализм Маркса, так же как и его “русский вариант”, есть лишь новое рождение духа “Маммона”, и потому лишь по видимости противостоит капитализму, который для Булгакова является только по-другому организованной формой эгоизма» [Ibid.]. Следовательно, как капитализм, так и марксистский социализм имеют общее «религиозное» основание, согласно которому человек поставлен в центр мира, является «человекобогом». Иными словами, «человекобог» есть один из возможных вариантов перверсии соборного человека, образ которого, как утверждает Катарина Брекнер, лежит в основании всех социалистических идей русской интеллигенции и представляет собой «мифологическую онтологию», фундирующую собой как секулярные, так и религиозные социалистические проекты. К рассмотрению подобного проекта, представленного Булгаковым и проанализированного в работах Брекнер, а также к экспликации его взаимоотношений с социализмом Маркса, мы теперь и перейдем.

Свой проект социального преобразования современного ему общества Сергей Булгаков обозначает как «христианский социализм». При помощи него русский мыслитель планировал придать социализму Маркса «правильную» направленность. Согласно Булгакову, марксизм несет в себе не только разрушающее начало пантеистической веры, но также и знание о правильном, необходимом положении вещей в социальном мире. «Правда социализма» заключается в том, что он призывает к защите «угнетенных и эксплуатируемых», но при этом – и в этом заключена его «ложь» – исходит из неистинных оснований, т. е. из «пан»теистической формы религиозности, и, следовательно, не может радикально противостоять капитализму. Таким образом, «христианский социализм», в концепции Булгакова, обладает по сравнению со своим атеистическим коллегой серьезным преимуществом, потому как исходит из истинной, теистической формы религиозности. «Пора, наконец, понять в самом деле, что Христова заповедь: одеть холодного, накормить голодного, посетить заключенного в тюрьме – исполняется в настоящее время более чем в какой бы то ни было другой форме посредством сложной социальной техники – социального законодательства, рабочих организаций, стачек, кооперативного движения» [Булгаков, 1991, с. 36]. При этом необходимо понимать, что, как указывает К. Брекнер, подобная форма религиозности также во многом должна конституироваться исходя из «мифологической онтологии» соборного человека.

Интересным также представляется то, какие миссионерские следствия, отмеченные немецкой исследовательницей, вытекают из указанного выше понимания взаимоотношения между социализмом Маркса и «христианским социализмом». «Пока мир полностью не состоит из христиан, они обязаны гарантировать его дальнейшее существование. Социалисты могут при совместной с христианами защите “правды социализма” и из познания его “лжи”, в конце концов, сделаться христианами» [Breckner, 1997, S. 139].

Мифологичность подобного «христианского социализма» проявляется в нивелировании символического аспекта самого понятия «социализм», которое превращается в необходимую для практической реализации уже как бы существующую реальность. «По учению христианства история есть богочеловеческий процесс, в котором собирается и организуется единое человечество, “тело Христово”. Для этой задачи мало одних усилий личного усовершенствования и душеспасительства, но необходимо воздействие и на общественные формы и на внешние отношения людей между

собою» [Булгаков, 1991, с. 31]. Исходя из этого немецкая исследовательница заключает, что Булгаков, так же, впрочем, как и С.Н. Трубецкой и Н.А. Бердяев, следует призыву Вл. Соловьева к «оцерковлению общества» [Breckner, 1997, S. 183]. Здесь, однако, следует добавить, что подобный процесс все-таки мыслился Булгаковым в более поздних его работах в тесной взаимосвязи с учением о Софии. За Богом оставляется последнее право легитимировать человеческую деятельность, направленную на совершенствование мира. «Мир должен быть так оформлен и детерминирован человеком, что Бог сможет в нем “жить”» [Zwahlen, 1990, S. 60]. Однако об этом в исследовании Катарини Брекнер не упоминается, что, вероятно, обусловлено тем обстоятельством, что основное внимание исследовательница уделяет социальной мысли Булгакова дореволюционного периода.

Таким образом, можно сказать, что в рецепции социальной мысли Сергея Булгакова, осуществленной Катарини Брекнер, существует «мыслительная призма», «проброшенный смысл», согласно которому большинство социальных концепций, разработанных русскими секулярными и религиозными мыслителями в XIX – начале XX вв., имеют своим основанием образ соборного человека. Подобный соборный человек и то общество, в котором он живет, противопоставляются по ряду показателей капиталистическому социуму и его индивиду. Данный образ фиксируется немецкой исследовательницей как «мифологическая онтология», на основе которой конструируются «проекционные социалистические мифы», в том числе «миф» «христианского социализма» Сергея Булгакова.

Список литературы

- Бердяев, 1909 – *Бердяев Н.А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сб. ст. о рус. интеллигенции. М.: Типогр. В.М. Саблина, 1909. 209 с.
- Брекнер, 2011 – *Брекнер К.* Об употреблении слов правда (правда-справедливость) и истина (теоретическая правда) в русской интеллектуальной истории XIX столетия на примере Н.К. Михайловского и П.И. Пестеля // «Правда». Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М.: Ключ-С, 2011. С. 71–97.
- Булгаков, 2010 – *Булгаков С.Н.* Человекобог и человекозверь. По поводу последних произведений Л.Н. Толстого: «Дьявол» и «Отец Сергий» // Л.Н. Толстой: Pro et contra. СПб.: Изд-во РХГИ, 2010. 984 с.
- Булгаков, 1991а – *Булгаков С.Н.* Христианство и социализм // Христианский социализм. Новосибирск: Наука, 1991. 350 с.
- Булгаков, 1991б – *Булгаков С.Н.* Неотложная задача (О союзе христианской политики) // Христианский социализм. Новосибирск: Наука, 1991. 350 с.
- Канияр, 2002 – *Канияр Х.* Фриц Либ и его русско-славянская библиотека / Пер. В. Янцева // Исследования по истории русской мысли. М.: Три квадрата, 2002. С. 689–702.
- Мамардашвили, 1991 – *Мамардашвили М.К.* Другое небо // Три каравеллы на горизонте. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 37–59.
- Франк, 2000 – *Франк С.Л.* Крушение кумиров // *Франк С.Л.* Соч. М.: АСТ, 2000. С. 147–246.
- Цыганков, Оболевич, 2015 – *Цыганков А., Оболевич Т.* Булгаков в Швейцарии: современные исследования философии о. Сергия Булгакова во Фрибурге // *Вестн. РХГА.* 2015. № 4. С. 315–333.
- Breckner, 1997 – *Breckner K.* Die Sozialismusidee als Konstante der neueren russischen Ideengeschichte: eine Analyse der den Sozialismusideen A.I. Gercens, N.G. Černyševskijs, N.K. Michailovskijs, S.N. Trubeckojks, N.S. Bulgakovs und N.K. Berdjaevs zugrunde liegenden Ontologie und die “Russische Wahrheit” P.I. Pestel’s als Vorbote eines an den Sozialismusbegriff späterhin gebundenen mythischen Denkens. Hamburg, 1997. 252 S.
- Breckner, 2006 – *Breckner K.* Russian Philosophers on Continuous Creation as the Basis for Social Change // *Studies in East European Thought.* Vol. 58. No. 4 (2006). P. 171–197.
- Breckner, 2011 – *Breckner K.* Universalismus als Abteilungsgrund für christliche Ethik. Kursorischer Ausblick auf Partikularismus zulassende Konzeptionen am Beispiel Solov’evs, Bulgakovs, Berdjaevs und Franks // *Das normative Menschenbild in der russischen Philosophie.* Berlin: LIT Verlag Dr. W. Hopf, 2011. S. 43–53.

Bulgakov, 1927 – *Bulgakov S.* Die Tragödie der Philosophie / Übers. v. A. Kresling. Darmstadt: Otto Reichl Verlag, 1927. 328 S.

Bulgakov, 1977 – *Bulgakov S.* Sozialismus im Christentum? / Einleitung u. Übersetzung v. H.-J. Ruppert. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. 173 S.

Zwahlen, 2011 – *Zwahlen R.* Die trinitarische Konzeption der Person bei Nikolaj Berdjaev und Sergej Bulgakov // Das normative Menschenbild in der russischen Philosophie (= SYNEIDOS. Deutsch-russische Studien zur Philosophie und Ideengeschichte, Bd. 2) / A. Haardt, N. Plotnikov (Hgs.). Münster: LIT, 2011. S. 53–60.

The Social Philosophy of Sergei Bulgakov in the Contemporary German-speaking Investigations (on the Example of the Works of K. Breckner)

Alexander Tsygankov, Teresa Obolevich

Alexander Tsygankov – PhD in Philosophy. St. Thomas Institute. 46/4 Friedrich Engels Str., Moscow, 105005, Russian Federation; e-mail: m1dian@yandex.ru

Teresa Obolevich – Associate Professor, head of the Chair of Philosophy of Religion and vice-dean of the Faculty of Philosophy. Pontifical University John Paul II. Kanonicza St 9, Kraków, 31-002, Poland; e-mail: tereza.obolevich@upj2.edu.pl

The article analyses the contemporary German-speaking reception of the socio-philosophical thought of Sergei Bulgakov (based on the examples of the works of Hamburg's scholar, Katharina Breckner). The basic "thinking prisms" which was used by the German scholar in her work on the interpretation of the concept of "Christian socialism" are exposed. The model of the comprehension of the socio-philosophical heritage of the Russian thinker proposed by Breckner is called the "mythological ontology" with the main principle of eliminating the symbolic element from socio-philosophical projects. According to the German scholar, such a model would underlie "the projective socialistic myths" and "the Christian socialism" of Sergei Bulgakov in particular. This very position, which denies the symbolicity and implies bestowing the ideal with the status of the objective and independent reality to be achieved, is key for the Russian thinker's understanding of such system-shaping notions of his philosophy as "communal man" and "communion" (sobornost).

Keywords: german-speaking reception of Russian philosophy, social philosophy of S. Bulgakov, contemporary investigations of the Russian thought, Sergei Bulgakov, Katharina Breckner

References

Berdjaev, N.A. *Filosofskaja istina i intelligentskaja pravda* [Philosophical Truth and the Truth of Intelligentsia], *Vekhi. Sbornik statei o rusckoi intelligentsii*. Moscow: V.M. Sablin Publ., 1909. 209 p. (In Russian)

Brekner, K. *Ob upotreblenii slov pravda (pravda-spravedlivost') i istina (teoreticheskaja pravda) v rusckoj intelektual'noj istorii XIX stoletija na primere N.K. Mihajlovskogo i P.I. Pestelja* [On the Using of the Words Pravda (Pravda-Justice) and Istina (Theoretical Truth) in the Russian Intellectual History of the 19th Century on the Example of N.K. Mikhailovsky and P.I. Pestel], *"Pravda". Diskursy spravedlivosti v rusckoj intelektual'noj istorii*. Moscow: Klyuch-S Publ., 2011, pp. 71–91. (In Russian)

Bulgakov, S.N. *Chelovekobog i chelovekozver'. Po povodu poslednikh proizvedenij L.N. Tolstogo: «D'javol» i «Otec Sergij»* [Human-God and Human-Animal. On the Last Works of L.N. Tolstoy "The Devil" and "Father Sergei"]. St. Petersburg: Russ. Christ. Human. Inst., 2010. 984 p. (In Russian)

Bulgakov, S.N. *Khristianstvo i sotsializm* [Christianity and Socialism], *Khristianskij sotsializm*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991. 350 p. (In Russian)

Bulgakov, S.N. *Neotlozhnaja zadacha (O sojuze khristianskoj politiki)* [The Urgent Task (about an Alliance of Christian Politics)], *Khristianskij sotsializm*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991. 350 p. (In Russian)

Kanijar, H. Fric Lib i ego rusko-slavjanskaja biblioteka [Fritz Lieb and his Russian-Slavic Library], *Issledovanija po istorii ruskoj mysli*. Moscow: Tri kvadrata Publ., 2002, pp. 689–702. (In Russian)

Mamardashvili, M.K. Drugoe nebo [Another Sky], *Tri karavelly na gorizonte*. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1991, pp. 37–59. (In Russian)

Frank, S. L. *Krushenie kumirov* [The Collapse of Idols]. Moscow: AST Publ., 2000, pp. 147–246. (In Russian)

Tsygankov, A., Obolevich, T. Bulgakov v Shvejcarii: sovremennye issledovanija filosofii Sergeja Bulgakova v Friburge [Bulgakov in Switzerland: the Philosophy of the Current Research. Bulgakov in Fribourg], *Vestnik RHGA*, 2015, vol. 4, pp. 315–333. (In Russian)

Breckner, A.K. *Die Sozialismusidee als Konstante der neueren russischen Ideengeschichte: eine Analyse der den Sozialismusideen A.I. Gercens, N.G. Černyševskijs, N.K. Michailovskijs, S.N. Trubeckoj, N.S. Bulgakovs und N.K. Berdjaevs zugrunde liegenden Ontologie und die "Russische Wahrheit" P.I. Pestel's als Vorbote eines an den Sozialismusbegriff späterhin gebundenen mythischen Denkens*. Hamburg, Univ., Diss., 1997. 252 S.

Breckner, K. Russian Philosophers on Continuous Creation as the Basis for Social Change, *Studies in East European Thought*, 2006, vol. 58, no 4, pp. 171–197.

Breckner, A.K. Universalismus als Abteilungsgrund für christliche Ethik. Kursorischer Ausblick auf Partikularismus zulassende Konzeptionen am Beispiel Solov'evs, Bulgakovs, Berdjaevs und Franks, *Das normative Menschenbild in der russischen Philosophie*. Berlin: LIT Verlag Dr. W. Hopf, 2011, S. 43–53.

Bulgakov, S. *Die Tragödie der Philosophie*, übers. v. A. Kresling. Darmstadt: Otto Reichl Verlag, 1927. 328 S.

Bulgakov, S. *Sozialismus im Christentum?* Einleitung u. Übersetzung v. H.-J. Ruppert. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. 173 S.

Zwahlen, R.M. Die trinitarische Konzeption der Person bei Nikolaj Berdjaev und Sergej Bulgakov. In: A. Haardt, N. Plotnikov (Hgs.). *Das normative Menschenbild in der russischen Philosophie* (= SYNEIDOS. Deutsch-russische Studien zur Philosophie und Ideengeschichte, Bd. 2). Münster: LIT, 2011. S. 53–60.